

Ирина Млодик

Жизнь взаимы

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Психологический бестселлер (Эксмо)

Ирина Млодик

**Жизнь взаимы. Как избавиться
от психологической зависимости**

«ЭКСМО»

2018

УДК 159.9
ББК 88.5

Млодик И. Ю.

Жизнь займы. Как избавиться от психологической зависимости /
И. Ю. Млодик — «Эксмо», 2018 — (Психологический бестселлер
(Эксмо))

ISBN 978-5-04-089991-3

Многие из нас за свою жизнь хотя бы раз испытывали это потрясающее состояние – удивительного единства, ощущения участия в нерушимом и блаженном «мы». Эта книга о слиянии с другим, которое так похоже на любовь, что перепутать очень легко. Она состоит из двух частей. В первой части вас ждет рассказ о пути внутреннего преображения главной героини Тани, о ее взаимоотношениях с матерью и возлюбленным, об обретении самой себя. Во второй части автор – известный психолог Ирина Млодик – разбирает явление психологической зависимости как профессионал. Выбираться из таких отношений в одиночку – трудная задача. Чаще всего здесь нужен третий. Возможно, для начала им станет эта книга.

УДК 159.9
ББК 88.5

ISBN 978-5-04-089991-3

© Млодик И. Ю., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БЕСТСЕЛЛЕРЫ	6
Часть первая. Слияние. История Тани	8
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ирина Млодик
Жизнь взаимы. Как избавиться
от психологической зависимости

© Млодик И., текст, 2018

© Скобелкина К., иллюстрация, 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БЕСТСЕЛЛЕРЫ

Хватит быть хорошим! Как прекратить подстраиваться под других и стать счастливым

Боитесь говорить «нет»? Хватит игнорировать собственные потребности! Все беды от того, что мы так и норовим перекроить себя под ожидания окружающих, считает Тома Д'Ансембур. Эта книга научит вас улучшать отношения с окружающими, оставаясь самим собой.

Не рычите на собаку! Книга о дрессировке людей, животных и самого себя

Эта уникальная книга способна сделать ваши взаимоотношения с любым человеком, животным и даже самим собой гораздо лучше. Речь идёт о положительном подкреплении – самом надёжном и действенном способе влиять на поведение других. Вы узнаете, как заставить супруга раз и навсегда перестать ворчать; как научить трёхлетнего ребёнка вести себя прилично; как объяснить кошке, что не надо залезать на кухонный стол; как сподвигнуть начальника регулярно повышать вам зарплату; как улучшить свои собственные результаты в любой деятельности или избавиться от вредных привычек!

Нежное искусство посылать. Открой для себя волшебную силу трех букв

Сложно передать словами, какую эйфорию может испытать человек, просто послав в задницу то, что его достало. «Так почему бы не делать это регулярно?» – спрашивает немецкая писательница Александра Райнварт. Склонные коллеги, родительские чаты, офисные посылки во вне рабочее время, заморочки по поводу объема талии – все это заслуживает быть посланным всерьез и надолго. Главное – подойти к делу с умом. Расставить приоритеты, взвесить «за» и «против» и технично посылать куда подальше все, что отравляет жизнь, и при этом не испытывать угрызений совести.

Жить на полную. Выбери лучший сценарий своего будущего

У каждого из нас не мало целей, которые пылятся на полке с табличкой «когда-нибудь». Когда-нибудь я построю дом, свожу родителей за границу, выучу иностранный язык, напишу книгу, встречу настоящую любовь, заведу ребенка. А что если взять и все «когда-нибудь» превратить в «когда» – с точной датой и временем? Авторы этой книги предлагают раз и навсегда отказаться от «заплыва по течению» и создать план своей жизни. Такой, который позволит сократить бессмысленную рутину и заняться тем, что по-настоящему важно.

Часть первая. Слияние. История Тани

Разрешите мне не дышать. Вдох – боль. Я не могу дышать пустотой. Как это больно – вакуум. Хочется скулить, кричать или убить. Найти правозащитную организацию, в которую подать петицию. Нельзя помещать людей в вакуум. Это слишком мучительно. Лучше убейте...

Он ушел... Она все пытается перевести слова в реальность. Не получается. Наверное, потому, что это не те слова. «Ушел» – это так буднично и просто, и это совсем не отражает случившегося. Он выпотрошил ее тело. Вскрыл, забрал все, что ему нужно, оставив лишь пустую, гулкую оболочку. Все, что ему нужно, – глупая надежда. Если бы ему было нужно хоть что-то от нее, она и сама отдала бы радостно и добровольно. Бери все что хочешь, только будь рядом. Не оставляй.

Сколько же дней прошло с той идиотской эсэмэски? Неужели всего пять? Кто после шести с половиной лет вместе пишет короткое и внезапное сообщение: «Нам нужно расстаться»? Кто поверит в то, что эти три слова не просто чушь, набранная вспотевшим пальцем кем-то в глупом телефоне, а внезапно всплывшая правда – кит-убийца из глубины чьих-то тайных желаний? Вот и она не поверила. Сначала. Так не бывает. На пустом месте. Между ее отпуском и его грядущей командировкой. В эпицентре их планов о том, чтобы снять «двушку», найти подарок на юбилей его отца, съездить в Аргентину следующей осенью, поменять его машину. Эта эсэмэска не от него. Глупая случайность, розыгрыш, шутка.

«Слушай, зачем так шутишь?»

«Я не шучу».

«Скажи, что это неправда».

«Это правда».

«С чего вдруг так резко?»

«Не резко, я все обдумал».

«У тебя кто-то появился?»

«Нет».

«Тогда зачем?»

«Я так решил».

«Ну что же случилось?»

«Ничего не случилось, просто я понял, что нам нужно расстаться».

«Как ты можешь решить что-то за меня, за нас?»

«Я за нас и не решаю, просто я ухожу».

«Ты не можешь уйти просто так, не поговорив».

Полтора часа бесполезных вопросов и дурацких, пластиковых, ни на что не отвечающих ответов. Ни один из них не укладывался в ее голове. Не могла поверить, что живое (так ей казалось) на ее глазах превращается в пластик. Не то! Не то! Она ждала других ответов. Бессмысленность ничего не значащих слов топила ее, повергала в отчаяние. Чужой, замкнутый, закрытый. Как будто заколдован. Она тянулась, гладила его по щеке, но он отодвигался быстро и инстинктивно, как от чужой руки. Сейчас она подберет слова, что-то сделает, и чары рассеются – не может быть, чтобы нельзя было разрушить это чудовищное колдовство.

Сейчас уже стыдно вспоминать те отчаянные попытки, вопросы, мольбы, прикосновения... В своей борьбе за сохранение прежнего она даже не заметила, как он начал смотреть на нее с суровой отчужденностью, а потом и вовсе стал опускать глаза, неприкрыто тяготиться каждой минутой и уходить, уходить...

Зачем ты так со мной? Это же по-прежнему я. Вспомни! Чужой, чужой, чужой... Как это мучительно, когда кто-то еще рядом, но уже недосягаем. Подводная лодка, которую ты

считал своим домом, оставляет тебя на необитаемом острове и медленно погружается в воду. И даже когда остаются лишь круги на воде, ты не можешь поверить, что тебя покинули навсегда. Оставили. Здесь. Одну.

Она не помнила той минуты, когда он ушел, перед этим собрав самые нужные ему вещи. Сидела, вцепившись в кухонную табуретку, и почему-то боялась пошевелиться. Тогда она еще могла дышать, только тихонько, чтобы не спугнуть, не разозлить его еще больше. Вдруг он успокоится и останется? Она же может сидеть тихо-тихо и совсем не мешать ему жить.

Тяжелее всего было по утрам. Ей почти каждую ночь снилось, что они вместе. Обычная жизнь, то на рынок идут, то почему-то на рыбалке вдвоем. Самое ужасное было просыпаться и понимать, что его нет рядом. Никакого «рядом» уже не будет. Одна. И вот тогда ей не хотелось дышать, точнее, она хотела бы разучиться. Перестать. Потому что нечем и незачем дышать. Нет внутри ни легких, ни сердца, ни смысла. Ничего. Пустая, несуществующая без него, лучше убейте. Но... никто не приходил убивать, наоборот, вокруг периодически кучками сбивались сочувствующие.

– Ну что ты так убиваешься по нему, брось. Ой, не первый и не последний. Сколько еще у тебя таких Вадиков будет! – бодро вещала Ларка, по-хозяйски замешивая блины, а потом шлепая тесто на шипящую сковородку на *их* кухне.

Наша кухня – какие сладкие слова, как больно от них – *наша*. Эту скатерть с дурацкой геометрией они покупали вместе перед каким-то Новым годом вечность назад. Кто лепит на скатерть такое? – возмущалось ее эстетическое чувство. Но ему тогда понравится цвет. «Голубое с желтым, смотри, как красиво!» – говорил он с блестящими от возбуждения глазами. Разве она могла не согласиться? Привычная трель капающего кран: так и не починил, сколько она ни ворчала. А занавески сама выбирала и потом еще страшно обижалась, когда он не испытал особого восторга от того, как здорово сочетается голубая кайма на них с фоном его дурацкой скатерти.

Господи... тошнит ее от этой кухни. Не *их* теперь – *ее* кухни, в которой все напоминает о нем. Так невыносимо напоминает. Надо, видимо, менять квартиру. В этой тошно. Мысли ползут медленно, их тягучий ритм разбивает лишь шипение раскаленной сковородки. *А вдруг вернется?* Хватит! Не стоит вскармливать пустые надежды, слишком уж тяжело от этих надежд, особенно когда ждешь-ждешь и уже устаешь ненавидеть соседей, которых привозит лифт, потому что, когда слышишь гудение лифта, все время думаешь, что это *он*.

От запаха блинчиков ее затошнило, да и не ела она давно. Похудела сильно и резко, килограммов на семь, что ли. Мама убеждена, что на пятнадцать. Так ей Ларка описала ее худобу, но Ларка всегда преувеличивает. Вот, подрядила подругу следить за ее питанием: «Блинчики Таньке приготовь. Блинчики-то она непременно съест, все детство от стола не могла ее отогнать, когда блинчики пекла, из-под руки выхватывала и съедала, обжигаясь!» (Просто готовила их мама раз в несколько лет, как же тут не выхватить.)

Послушная Ларка (а кто бы посмел перечить ее матери!), колдуя над блинами, повернувшись к ней крупным задом, крепко схваченным вызывающе алой юбкой, все повторяла и повторяла свой утешающий речитатив, перечисляя ее многочисленные достоинства, которые в ближайшее время непременно оценят мужчины.

Ларку она слушала вполуха. Смотрела в окно на мартовскую унылую весну и никак не могла понять, зачем ей кто-то еще, если ей нужен *этот*, а все остальные для нее не существуют.

Ей нужен *этот*, с кем ей нравилось делать все, включая решение нудных бытовых проблем. Даже прибираться ей хотелось вместе с ним, хотя у Вадика в семье мужчины вообще уборкой не занимались и ей с трудом приходилось уговаривать его хоть что-нибудь сделать, пока она пылесосит или отмывает унитаз. Было, конечно, досадно, если он в день уборки собирался идти играть в теннис. Но ведь у него всегда было так много желаний!

– А помнишь, как на корпоративе Вадик здорово придумал с шашлыками? Всем так понравилось... – сказала она, тоскливо водя пальцем по чашке. Эту чашку она ему подарила: из Греции привезла, когда его не отпустили в отпуск и она поехала туда на неделю с Маринкой.

– Тебе мяса, что ли, захотелось? Так давай я на рынок сбегаю, тут недалеко совсем, за полчаса управлюсь.

– Да нет, при чем тут мясо, – обиженно вздохнула она. – Просто вспомнила.

Ей просто очень хотелось снова и снова произносить его имя, слушать, как оно звучит. Хотелось хоть с кем-то поговорить о нем, рассказать обо всех этих дурацких мелочах, которые сейчас казались полными значения.

– А вот и нечего вспоминать. Что он придумал-то? В листьях каких-то мясо замариновал. Потом же шашлык не ел никто из-за этого странного запаха. Вечно он у тебя экспериментировал, вот и доэкспериментировался. Новатор, понимаешь... Садись давай, блины ешь, с чем ты их будешь? С маслом, сметаной, вареньем? – Ларка по-хозяйски рылась в холодильнике, который сама же и наполнила.

– Я не хочу блины...

– Не, ну здрасте, а для кого же я их пекла тут битый час? Давай садись. Молоко будешь? Или чай? Лучше с чаем, а то я масла не пожалела. А между прочим, он мне никогда и не нравился!

– Ну при чем тут ты?

– Как при чем? Я же человек со стороны. Я все вижу. Это вам, дурехам, как влюбиться, так любовь пеленой глаза застилает. А я сразу видела: предатель. Вот до всего ему было дело. Все хотел узнать, даже образования у него два было. Вот скажи, зачем ему два?

– А что тут такого? Умный просто, учиться любит.

– И что, в первый раз его плохо выучили?

– Ларка, слушай. Может, мне ему позвонить, спросить, когда оставшиеся вещи заберет? Вдруг я переезжать надумала и мне его вещи девать некуда.

– Что это ты надумала? Зачем тебе переезжать? У тебя до метро три минуты. Кто из такой квартиры переезжает? Да и Маринка с вас плату брала по-божески, где ты найдешь отдельную квартиру за такие деньги? Разве что за Кольцевой, а у тебя почти центр! – Ларка, домывавшая сковородку, повернулась к ней с угрожающим видом.

– Да я не про это... Ну как будто я переезжаю, понимаешь? Просто чтобы повод был позвонить. Чтобы голос его услышать... Как ты думаешь, что он сейчас делает?

– Повод! Вот так он и поверит, что ты съехать собралась! Как будто он не знает, как вам эта квартира досталась. Что если б не Маринкина доброта...

– Ну что ты все про квартиру! Я ж тебе про него.

Про него, про него... Когда же покинет ее это навязчивое желание говорить про него хоть с кем-то. Она даже думала кошку завести или собаку, чтобы с ними разговаривать. Но не было сил, за животными же ухаживать нужно. А ей самой хотелось стать кошкой в чьем-то чужом доме... Хотелось тереться о хозяйские ноги, а потом свернуться калачиком на чьих-то надежных коленях и почувствовать теплую руку у себя на спине...

Слезы опять полились против воли, ну когда же она перестанет реветь?

– Та-а-ак, нет, ну вы посмотрите, снова нюни распустила! – переполошилась Ларка. – Слушай, перестань уже по нему убиваться! Гос-по-ди... Ну хочешь звонить, на, звони.

Ларка быстро схватила свой телефон, нажала на кнопку набора и протянула ей.

– Зачем! – заорала она в панике и отбросила телефон, словно он был гремучей змеей.

– Вот чокнутая! – Ларка на лету подхватила трубку – Алё, Вадик, привет. Это Ларка. Чего делаешь? А... Слышь чего, тут Танюшка с тобой поговорить хочет. Почему сама не наберет? Да кто ж ее поймет... Страдает она по тебе, дураку... И чего страдает? На, даю тебе ее.

– Привет... – от звука родного голоса кишки свернулись в животе в тугой клубок, что-то внутри разбухло, и звук вышел силный, как из-под земли. Кровь гулко застучала в голове, она согнулась, пряди упали на лицо, захотелось спрятаться, свернуться, чтобы никто не видел. – Я хотела тебя спросить, когда ты забереешь свои вещи?.. Мешают? Да нет, не очень. Когда переезжаешь? В мае? К кому?.. Ну да, конечно, до мая не помешают. Да, пока.

Ей захотелось выть, или закричать и кричать долго-долго, пока не кончатся силы, пока стремительно образующая внутри нее дыра не разорвет ее на клочки, или что-нибудь расколоматить, расцарапать, например это глупое белесое лицо, которое зачем-то придвигается к ней близко-близко...

Очнулась она среди ночи, тело какое-то не свое и отзывается болью. Расстроилась: значит, все еще жива. Внутри что-то мешает. Наверное, сердце. Хорошо бы вынуть его и отправить в холодильник. Пусть лежит там, замороженное, и никому не причиняет боли. Зачем ей сердце? Только мешает, пусть бы и лежало отдельно. Встать все равно нет сил.

Она таращилась в темноту, думая о том, как бы перестать ощущать себя по-прежнему живой. *Настолько* живой. Сбоку, на гостевом матрасе, завозилась Ларка. Она осталась у нее ночевать, а это значит, что утром снова придется терпеть ее навязчивые попытки «поднять в ней боевой дух». Папа, большой начальник, «великий дэв», похоже, вылепил из Ларки настоящего бойца. Работала она парикмахером-визажистом, была востребованной, но чувствовалось, что ей «королевство маловато, развернуться негде».

Вылезти из постели, натянуть на себя в темноте что попало под руку и выйти за порог – задача несложная, но почему-то отняла много сил. Лифт вызывать страшно, своим гудением он перебудит весь дом. Стала спускаться по лестнице. Шла, будто древняя старушка: ноги дрожат, подгибаются, держат плохо...

А на улице – холод и темнота. Вот чего она на самом деле хотела. Не разговоров, не блинчиков. Пустота. Темнота. Холод. Чтобы заморозить сердце. Зачем ей оно? Ни к чему, только все время причиняет боль. Устала уже.

Тихо на улице, хорошо. Правильно. Как у нее на душе. Подтаявший и снова замерзший, грязный даже в темноте снег. Мерзлые лужи и колдобины. Редкая гадость московской весны, которая только начинается. Тяжело идти. Ноги не слушаются. Она и не знала, как тут тихо ночью. До проспекта далеко, там машины ездят, шуршат шинами, а здесь тихо. Спят все. Задрала вверх голову. Белесо-темное небо без звезд, темные силуэты домов, только парочка светящихся окон. Вон там... и там еще одно.

Интересно, почему люди за этими окнами не спят? Наверное, вон там живет мужчина, и ему приходится рано вставать, чтобы выйти в утреннюю смену, а может, наоборот, только пришел с ночной. Наверное, завод, цех, товарищи... Унылая такая жизнь, каждый день приходится вставать ночью. Унылая жизнь, зато никаких мучений и не надо все время ощущать, где у тебя сердце. А за другим окном, наверное, живет семья, и у них младенец не спит, колики наверное, и юная мать готовит ему укропную водичку. Да нет, если б младенец кричал, она бы услышала. А так – тишина. Может, мамочка просто кормит его или встала бутылочку подогреть. Сейчас покормит и снова ляжет в теплую постель, где крепко спит ее муж, ведь сегодня ее очередь вставать к ребенку, не его.

Да, муж, черт ее дери! Татьяна с непонятно откуда взявшейся яростью пнула полузамерзший сугроб. Даже у этой молодой дуры есть муж, который хочет от нее детей. А что есть у нее? Где ее муж? Почему она, как все, не мечтала женить его на себе? Не предпринимала попыток? Вот и был бы у нее сейчас муж, и не услышала бы она, как неповторимый бархатный баритон в телефоне сообщает о том, что в мае собирается жениться и переезжать к своей Юльке.

От этого имени у нее опять подкосились ноги. Наверное, никого в своей жизни она не ненавидела так сильно, как Юльку в этот момент. Чертова «почти главный босс» Юлька! Под

два метра ростом (на самом деле всего 182, но кому они нужны, точные цифры), с бюстом почти как у Памелы Андерсон (до ее медицинского апгрейда), ноги срослись с ушами, рыжая кудрявая грива, диплом МГУ то ли по социологии, то ли по маркетингу. Папочка, руководитель большой строительной компании, за недорого сдал им помещение под офис в аренду. Благотельница, понимаешь! Ненавижу!

От злости даже ноги как будто окрепли, и она пинала сугробы с непонятно откуда взявшимся воодушевлением. Она и не подозревала, что может так ненавидеть. Юлька, королева офиса, всеобщая любимица, «наша опора и надежда», ездит на *BMW*, отдыхает на Ибице, дружит с великими мира сего. Такую не то что переплюнуть, даже приблизиться невозможно. Куда ей, с ее провинциальным педагогическим, с ее зажатостью, с ее стандартным метр семьдесят, с «модной», по мнению Ларки, стрижкой на тонких и гладких, невнятного цвета волосах, которые Ларка все мечтала покрасить в «убедительный золотой блонд». С мамой, директором школы, с добрым, но пьющим отцом, с которым все детство нельзя было видеться под страхом смертной казни. Ведь в их семье он был человеком, «чье имя нельзя произносить», потому что ушел к «бесстыжей шлюхе», когда Тане не исполнилось еще и восьми.

Стыд от такого невыгодного сравнения потушил в ней ярость, и ноги опять потеряли силу, пришлось даже присесть на промерзшую скамейку. Она никогда не боролась за Вадика, даже когда и представить не могла, что Юлька перейдет ей дорогу. Она не умела бороться. Никогда не задавала вопросов: а когда мы поженимся? Не спрашивала: что же дальше? Ей просто казалось, что все хорошо: идет как идет. Весна сменяет зиму, лето – весну. Он рядом, работают вместе, вместе домой, в магазин, на рынок возле дома, праздники, тусовки, авралы, отпуска.

На пару с Ларкой они всегда высмеивали желание офисных девчонок непременно выскочить замуж, она – потому что ей претила тотальная гламуризация всей страны, претили разные, но невероятно похожие в своей простоте «шесть надежных способов выйти замуж»; казалось, главное – это просто любить. Ларке, однако, гламур вовсе не казался лишним, в конце концов, подруга была «работницей индустрии красоты», как она пафосно про себя говорила, особенно если рядом вырисовывался какой-нибудь субъект, интересовавшийся ее профессиональной деятельностью. Но с идеями замужества у Ларки тоже было непросто, потому что она, по крайней мере на словах, отрицала мужчин как класс, необходимый женщине для счастья. «А когда придет пора размножиться, уж поверь мне, я найду от кого!»

– Я никогда у него ничего не просила! – зачем-то сообщила Татьяна светящемуся окну, тому, за которым, может быть, жил мужик с завода. – Вот и дура! Вот и получи. Любовь у нее, видите ли, главное! Ты что, думаешь, Юлька вот так взяла и внезапно полюбила твоего Вадима, когда вокруг нее артисты, музыканты, всякие парни с телевидения выются? Что ей Вадим? Может, он еще надоеет ей быстро, а?

В этот момент она поняла, насколько замерзла. Черт, в темноте натянула Ларкин пуховик, а он короче, руки из рукавов вон как торчат, и попу совсем не прикрывает, задубела совсем. Надо возвращаться.

– Пока, мужик, – буркнула она горящему окну и, с трудом поднявшись и потирая замерзшие колени, побрела обратно к своему подъезду. Странно, но стало почему-то немного легче. Во всяком случае, захотелось согреться, и она бы даже выпила чаю.

На кухне еще пахло блинами, и, заварив любимый зеленый, она намотала один блинчик на вилку, думая, во что бы его макнуть. В этот момент в проеме двери появилось всклокоченное, с предельно недовольной физиономией чудище: руки на пышной груди, плотным спелым плечом привалилась к косяку.

– Ну что, принцесса, оклемалась? Сметана в холодильнике на верхней полке.

– Я так, с вареньем. Разбудила? Ты прости, что побеспокоила, я хотела тихо.

– Тихо она хотела! Как в обморок брякаться, так ты не думала про беспокойство. Конечно, какое тут беспокойство: скорую пришлось вызывать, нашатыря-то в доме нет, да и кто знает, что с тобой, вдруг очоуришься, меня ж потом твоя мать съест с потрохами. «Какая нервная, чувствительная девушка, что за стресс такой вы ей устроили?» Нет, ну ты прикинь, это я стресс тебе устроила! Ну я ему все рассказала, этому докторишке, кто тут стрессы устраивает. Он аж попятился, мне тоже успокоительное предложил. А мне-то зачем? Я ж не нервная. А тебе покой прописал. Так что давай ешь быстрее и спать. Мне бы кто покой прописал! И почему все другим достается? – ворча и вздыхая, Ларка направилась в комнату, к теплоте оставленной постели. – Скажи спасибо, что матери твоей звонить не стала. А то ведь держала телефон наготове, со страху чуть не обделалась, мало ли что с тобой, – добавила она на ходу.

– Спасибо, Ла-а-арочка, вот за это, правда, тебе самое горячее спасибо. Или самое нежное. Ты какое хочешь?

– Ишь, разнежничалась. Оживает, значит. Оба давай. А за блины? А за спасение твоей никому не нужной жизни?

– За это подумаю еще.

Больше одного блина в нее все равно не влезло, но чай казался спасением: отогревал, возвращал к жизни. Замерзшие, с обломанным ногтем руки обнимали чашку так крепко и вожаденно, будто держали Святой Грааль.

– Вот же сокровище неблагодарное! Утром домой поеду, и так из-за тебя кот не кормлен, соседей пришлось попросить. Иди спать уже, на часах пять тридцать, а тебе доктор покой прописал, твое, блин, высочество.

Она искренне любила этого «маленького великана» – не очень счастливую дочь «великого дэва», она была ей все равно что сестра.

Ларка училась с ней в школе, но классом младше. Когда подруга только перешла в девятый, в ее семье разыгралась трагедия. «Великий дэв» убил свою жену, Ларкину мать. Белла (по отчеству ее никто и не называл) была потрясающе красивой женщиной: белокурая, тонкие и нежные черты лица, хрупкое, почти подростковое тело. А Ларкин отец был огромным, будто высеченным из огромного монолитного камня. Глядя на него, казалось, что безвестному горе-скульптору вдруг надоело возиться с материалом и он решил бросить работу на начальном этапе. Получилось то, что получилось: огромное грубовато-бесформенное тело, крупные черты лица, а к этому – глубокий бас с командными нотками. Он был начальником большого и важного завода, депутат какого-то местного совета, как говорят, «уважаемый человек». В Танюшкином представлении – настоящий «дэв», страшный великан из восточных сказок. Он всегда страшно пугал ее, хотя видела она его нечасто.

Ее маме нравилось, что «такой человек» иногда приходит в школу, интересуется поведением и успехами своей дочери в учебе. Успехов, собственно, не было никаких. Ларкино поведение тоже частенько выходило за пределы нормального: мальчишек она лупила нещадно, особенно если те начинали «нюнить» или «наезжать» на девчонок; ни возраст, ни рост, ни мускулатура для Ларки значения не имели, могло достаться любому. От матери она унаследовала светлые волосы и невысокий рост, а в остальном походила на своего небрежно отесанного скульптором отца.

Так вот, Ларкина мама работала художником при кинотеатре, рисовала афиши. Она всегда ходила слегка отрешенная, могла забыть о времени и засидеться в мастерской допоздна, особенно если принималась за что-то свое, за какие-то картины, которые никто не мог понять: линии, пятна, точки... Ларка была классическим ребенком с ключом на шее: приходила домой из школы, разогревала обед, ела, делала уроки. Но когда время близилось к семи, шла за матерью и приводила ее домой. Нельзя было допустить, чтобы отец вернулся, а дома ни жены, ни ужина. Грозы тогда было не избежать.

«Дэв» не просто ревновал жену, как тысяча дэвов, – он все время боялся за нее. Маленькая, худенькая, погруженная в себя женщина казалась ему неприспособленной к жизни, а потому хотелось запереть ее дома и никуда не выпускать. Когда в очередном приступе яростного беспокойства он действительно запер ее, она совсем увяла, перестала есть и все время лежала на диване лицом к стене. Видеть ее худую спину было невыносимо, и он сжалился, решил ей работать в мастерской. «Но чтобы по окончании рабочего дня была дома как штык, слышишь?» – гремел он над ней.

Поэтому Ларка и «страховала» мать. Кому нужны дома бури и ненастья? И вот в начале девятого класса, на дне рождения Светки Кравченко в одну ненастную пятницу, Ларка познакомилась с Васильком, Светкиным двоюродным братом. Этот Василек аж в самом Санкт-Петербурге толкал штангу и был тем еще здоровяком. Ларка внезапно влюбилась так, что начисто забыла обо всем. Взявшись за руки, они гуляли до одиннадцати у всего города на виду, не смущаясь, не чувствуя холода, и все никак не могли расстаться, ведь на завтра Василек снова уезжал в Северную столицу, в свой спортивный институт.

Когда Ларка очнулась и прибежала домой, ее встретила гулкая тишина, от которой она сразу оглохла. Переулками – так быстрее, – увязая в грязи, она помчалась к кинотеатру, и ей казалось, что ноги, как в дурном сне, увязают, будто в болоте, что она бежит, но никак не может добежать. Уже на скрипучих деревянных ступенях она услышала приглушенный рык и в страхе остановилась перед дверью – никак не могла повернуть ручку. Как будто уже точно знала, что за картина предстанет перед ее глазами.

Отец сидел на полу, обнимал хрупкое, обмякшее тело в рабочем, заляпанном краской халате и рыдал в родное плечо. Приехавшая милиция и санитары никак не могли расцепить его руки, это было выше его сил – расстаться с ней. Не найдя жену дома поздним вечером, «дэв» так накрутил себя, был так взбешен, что прибежал в мастерскую и задушил ее то ли от ревности, то ли от страха потерять. Не зря Танюшка его всегда боялась.

Так Ларка осталась одна. Ни маминых родственников: мамина мама, Ларкина бабушка, уже давно умерла, а болела она чем-то психиатрическим, ни папиных: он рос в приюте. И теперь получалось, что ее, Ларку, ждет та же участь. Но вышло по-другому. Танина мать, впечатленная этой историей, потом еще несколько лет носила передачи «великому дэву» и все приговаривала: «Как же так, такой был уважаемый человек, и ни капли спиртного в рот не брал, и надо ж, какая любовь, какое горе...» Над Ларкой мать оформила опеку и бдительно присматривала за ней. Добилось, чтобы за Ларкой осталась родительская квартира, регулярно навещала ее, так как Ларка жила одна: сама на этом настояла, поклялась Танюшкиной матери всеми школьными богами, что будет гораздо лучше учиться, не стукнет больше ни одного пацана, а дом будет содержать в идеальном порядке.

Ларка забрала из мастерской все картины матери, развесила их по стенам, и квартира теперь стала напоминать галерею. По окончании школы Ларка, при ее успеваемости не способная претендовать ни на какой институт, пошла на курсы парикмахеров и визажистов. Начала стричь, начала зарабатывать и быстро стала самым востребованным мастером города. К ней было непросто попасть, и временами она ездила в Питер повышать квалификацию. С Васильком она никогда больше не встречалась, ни с кем другим на свидания не ходила, слушалась Танюшкину мать, а за саму Танюшку могла, как сама говорила, «отдать почку», ну или то, что могло бы понадобиться. Прямота, простота и сила, унаследованные от отца, каким-то немислимым способом сочетались в ней со своеобразным эстетическим видением ее матери. Ларку побаивались, уважали, и уж конечно, запоминали мгновенно, потому что такого человека, как она, невозможно было не заметить и по-своему не полюбить.

В их отношениях все время сквозило какое-то неравенство: Ларка считала Танюшку «принцессой», немного завидуя тому, как Алевтина Андреевна вьется вокруг своей уже такой взрослой «деточки». Грозный директор, будучи не в силах оставить свою любимую школу,

мучительно переживала расставание с дочерью, когда той после окончания института захотелось уехать покорять Москву. Так что довольно скоро она спроводила в столицу и Ларку «присматривать за Татьяной». Ларке она помогла продать квартиру и картины и дала ей взаймы немного денег, чтобы та на ипотеку приобрела небольшую квартирку-студию на дальних московских окраинах. Дочери ни на какую ипотеку она давать и не думала: была уверена, что «столица быстро ее обломает» и Танюшка вернется, сожалея, что была такой непослушной.

Картины Ларкиной мамы, к слову, купила одна московская галерея, предложив немалую сумму за все сразу. «Видать, хорошие были, раз такие деньги дали, правда ж, Тань?» – не зная, радоваться ей или огорчаться, причитала растерянная Ларка, обескураженная заносчивой снисходительностью хозяйки галереи. Старательно упаковав две картины, что оставила на память, дочь «дэва» растеряннo простилась с материнским наследством, оставленным в галерее.

Вот так они и оказались «рядом», хотя на самом деле их разделяла вся Москва: одна жила на севере, другая – на юге. Что касается работы, то Лариска первая устроилась в их компанию, им был нужен визажист-парикмахер для постоянных рекламных съемок. Потом она уговорила Валерия Сергеевича, их главного босса, взять «сестру хоть в чернорабочие», – вот так Таня и оказалась в ШИВЕ, сначала младшим помощником младшего помощника по написанию рекламных текстов, а потом... познакомилась там с Вадимом.

Вот если бы уже тогда она знала, что будет так больно, согласилась бы снова влюбиться в него? Кто знает? Наверное, да. В Вадика невозможно было не влюбиться. Красив, умен, кудрявые черные волосы, лазурного цвета глаза... Ну да, ростом не вышел, так и она не великанша, как раз вровень с ним и получалось. Но самым главным было другое – то, как он смотрел на нее: тепло и немного снисходительно, как будто заранее прощая все ее возможные промахи, глупости и ошибки. Она все бы отдала за один такой взгляд. А уж как он заботился о ней, как обнимал... В минуты близости называл ее «малыш», а в минуты особой нежности, когда она становилась растерянной, напуганной или расстроенной – «мой крошечный», что означало «крошечная».

Подушка снова намочла, и Таня перевернула ее другой стороной. Главное – не всхлипывать, носом не шмыгать, чтобы Ларка опять не проснулась и не начала ее неуклюже утешать. Все же хорошо, что рядом с ней эта дочь «дэва», с ней не страшно, потому что она сама ничего не боится. Хотя нет, боится, что кто-то может умереть на ее глазах или сойти с ума от горя. Можно представить, как Ларка испугалась ее обморока. Надо же, сама она почти ничего не помнит. Помнит только, что имя Юлька прозвучало в ее телефонной трубке так нежно и радостно, что от ярости и боли она забыла, как дышать.

Почему она ничего не замечала? Вряд ли у них начался стремительный роман после ужасных слов Вадика «нам нужно расстаться». Видимо, что-то такое уже давно происходило, а она ничего не видела, была чудовищно слепа. Когда? Когда это началось? На зимнем корпоративе в Новый год? Или когда отмечали этот идиотский гендерный праздник 23 февраля? Нет, это вряд ли. Двадцать третьего был мальчишник, а она тогда ездила с девочками обмывать новую Маринкину машину. Юльки с ними не было, но Юлька же не могла быть на мальчишнике, верно? И когда, спрашивается?

Почему, почему ей так важно ответить на этот идиотский вопрос?

Все же зря Ларка сразу позвонила маме. «На тебя поглядеть, ты с ума сходишь от горя, – все твердила она. – А я не могу одна нести такую ответственность. Алевтина Андреевна знает, что с тобой делать. Не сердись, лучше спасибо скажи, что я ей твердо так: “Не приезжайте, я сама все улажу, просто скажите, что делать”».

Хорошо, конечно, что мама не приехала, но Ларка ее здорово переполошила. Теперь она звонила каждый день, и было просто невыносимо слушать эти бесконечные причитания по

телефону: «Доченька, может, ты наконец вернешься? Ведь теперь тебя ничего не держит в этой Москве!»

«Мама, – хотелось крикнуть в телефонную трубку, – я никогда не вернусь в наш город, слышишь, НИКОГДА!»

Но вместо этого она давила из себя:

– Да я нормально, мам, нормально. Да, ем. Что ем? Ну что есть в холодильнике, то и ем. Да, похудела немного. Ну что он? Нет, не приходит. Думаю, да, окончательно. Нет, в каникулы не надо, не приезжай. Я уже вполне хорошо, мам, справилась. Проверь там спокойно свои тетради, обо мне не волнуйся. Ларка да, рядом.

Ей казалось, что она должна каким-то невероятным усилием излучать спокойствие и уверенность, чтобы утешить мать. Это было так же тяжело, как думать о том, что скоро закончится ее отпуск и придется выйти на работу, туда, где он... Слышать, как он разговаривает не с ней, видеть, как он не ей улыбается, знать, что не с ним она поедет вечером домой.

Это какой-то абсурд! Идиотский сон, она сейчас проснется, и все будет как раньше.

А ведь кроме него еще эта Юлька! Она тоже будет там, на работе. Пересекаются на работе они нечасто, но ведь пересекаются. И что теперь будет, когда столкнутся нос к носу? Нужно будет сказать этой счастливой сопернице: «Доброе утро», «Привет»? Или с губ сорвется: «Какая же ты сука, Юлька», «Катилась бы ты к черту, Мисс Два Метра Совершенства»?

И потом... Таня аж вспотела от этой дикой мысли: ей же придется увидеть их вместе. Все понятно: ей просто *нельзя* выходить на работу. Нужно сидеть дома до последнего, а потом она что-нибудь придумает.

Всю жизнь она чувствовала себя невыносимо нелепой, за что бы ни бралась, что бы ни делала. И мать только усиливала это чувство. Она даже никогда не ругала ее. Учителям в школе доставалось от матери будь здоров, да и все школьные хулиганы трепетали. Но с Таней она всегда была снисходительно-поучающа: «Доча, ну что же ты, дай я сделаю, раз у тебя не выходит» – а потом она, конечно же, добавляла: «Вот видишь, вот та-а-ак нужно было, видишь? Усвоила?»

Как же она ненавидела это ее «усвоила», кто бы знал! «Дай я сделаю, как сделаю! Ну и пусть получится хреново, но это же я сделаю!» – всегда хотелось ей крикнуть матери, но в их доме нельзя было кричать, тем более кричать на мать. Вообще нельзя было не слушаться, непослушание люто каралось.

Как-то, лет в десять, наверное, она ушла в гости к подружке, к Вере Горчаковой. Ох, это была печальная история...

Надо сказать, настоящих подруг у нее никогда не было. А где их завести? В садик она не ходила, сидела с няней – уволившейся по здоровью из школы учительницей литературы, которой мама дала «такую прекрасную возможность подзаработать». Если няня по каким-то причинам не могла прийти, Алевтина Андреевна брала дочку с собой, и, пока шли уроки, Таня сидела в директорском кабинете, с упоением стуча на старой машинке: клац, клац, клац, буквы превращаются в слова, а слова – в предложения. Красиво! А потом – вжжжик, и другая строчка, такая же красивая.

Ее собственная школьная жизнь началась в неполные семь. Записана она была в мамину школу, конечно же, другие варианты даже не рассматривались. И опять с подругами не сложилось. Во-первых, она не знала, как знакомиться, опыта не было. Во-вторых, дети ее избегали, все ведь знали, что она дочка директрисы (а школа была самая престижная в городе). То ли завидовали ей другие дети, то ли боялись с ней дружить, непонятно. Даже взрослые относились к ней как к хрустальной статуэтке, с которой надо пыль сдувать, но руками лучше не трогать. Особенно тяжело было ее первой учительнице: что бы Таня ни говорила у доски, та слушала ее с каким-то неестественным воодушевлением и всегда завышала оценки: щедро ставя четверку

там, где другому ребенку поставила бы три. Возможно, еще и за это Таню недолюбливали другие дети.

И вот где-то в третьем классе к ним пришла Вера Горчакова, ее папу-военного перевели в гарнизон рядом с городом откуда-то с границы с Казахстаном. Верочка быстро оценила расклад (все-таки это была уже ее третья школа) поняла, что из не занятых осталась только она, одинокая и потерянная дочка директора школы, довольно быстро перебралась за ее парту, несмотря на слабые протесты молодой учительницы, и они стали дружить. Вспоминая те годы, она всегда испытывала горячую благодарность к Верочке за простоту, с какой та сделала ее своей подругой. Благодаря Верочке она наконец-то почувствовала себя нормальной, «как все». Вдвоем они бегали на переменах, хихикали над мальчишками, наблюдая, как те смешно выпендриваются перед девочками из параллельного класса, собирали одуванчики по весне, фантазировали про красивых женщин, которые выходили из парикмахерского салона «Венера», что возле их школы, искали оброненные монетки, чтобы купить в соседнем магазине жвачку или ванильную теплую булку.

У Верочки был старший брат, учился он в другой школе, в мамину его не взяли «из-за низкого уровня знаний». Дома, на кухне, Алевтина Андреевна все ворчала: «И куда только смотрят родители, совсем запустили парня». Севка был неугомонным подростком, отчаянным выдумщиком, да и за девочками приударить был не дурак. В съемной квартире Горчаковых все время толпились Севкины приятели и подружки, справлялись все мыслимые и немыслимые праздники, звучали песни под гитару, декларировались идеи о том, как изменить мир, – в общем «дым коромыслом».

Алевтина Андреевна не одобряла дочкины визиты к Горчаковым: «Ни к чему тебе общаться к разгульному образу жизни! Не удивлюсь, если они там курят и выпивают, у таких до противоправных поступков рукой подать». И все равно Таня бывала в Верочкином доме, благо он от школы был недалеко. Там всегда было так классно! Можно было говорить о чем угодно, и всегда пахло съестным. Верочкина мама не работала, денег у них, скорее всего, было немного, но там все равно всегда было тепло, свободно, шумно и весело. Всегда было что-то вкусненькое, приготовленное с выдумкой и любовью. Таня до сих пор вспоминает задорный голос этой милой женщины: «А ну-ка, мальчики, кому пироги с капустой? Севка, дуй за пепси, чай вы все равно пить не будете». В этом доме можно было быть собой, не стараться, не бояться кого-то обидеть. Всем и всему было место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.